

САША КИМ

КАК ДОСТАТЬ
ДРАКОНА?
или
ЛЮБИМЫЙ ПАЖ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Саша Ким

Любимый паж Его Величества или Как достать дракона?

<https://litres.ru/74238592>

Аннотация

Я девушка, которая притворяется парнем, которого пытаются нарядить в девушку. В общем, как-то все запуталось. Начнем по порядку... Я попала в другой мир, где спасла какого-то бродягу из склепа. Потом спасла еще какую-то выхухоль, которая позже оказалась разумной шиншиллой. Да и бродяга оказался вовсе не каким-нибудь бомжом, а владыкой этого королевства. К тому же мне шепнули, что он вроде как дракон, который просто еще не пробудился. А у дракона на чешуе пылюка есть, от всяких хворей исцеляющая. В том числе и от моей должна помочь. Я-то девушка современная и во всю эту чушь не верю, но... случайно никто не знает, как пробудить в мужчине дракона?

Содержание

Глава 1. Попалась	5
Глава 2. Ты и мертвого своим пением разбудишь!	16
Глава 3. Гордый метр шестьдесят, требующий к себе уважения	21
Глава 4. Неблагодарный	26
Глава 5. Я, стесняюсь спросить, а что собсно происходит, в этом вашем бракованном аду? Что? Не ад, говорите?	33
Глава 6. А мир-то магический	38
Глава 7. Слишком тактильно для брутальных мужиков	43
Глава 8. Древняя магия — те-ле-фон, и пятiletний пророк Манюня	49
Глава 9. И кому бы еще стоило рот не раскрывать	55
Глава 10. Переговорщица	60
Глава 11. Съест или не съест, вот в чем вопрос	65
Глава 12. А можно всех женихов для начала посмотреть?	71
Глава 13. Известное и неизвестное зло	76
Глава 14. Предложение, от которого невозможно отказаться	81

Глава 15. Голод не тетка	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Попалась

— У нас для вас выгодное предложение по кредитной карт...

— Да!

— Что? — теряется вышколенная на отказах девушка из трубки.

— Да, давайте мне вашу карту, — бодро отзываюсь я. — Записывайте! Власова Василиса Игоревна. Что там дальше? Серия и номер паспорта?

— Э-э... — на том конце провода слышится напряженное пыхтение. — Василиса Игоревна, наш банк...

— Ваш банк, самый лучший и надежный банк на свете с самыми выгодными предложениями! Верю! — будто пионер рапортую я, втискиваясь со своим баулами в калитку.

— Да, не без этого, — мнется девушка. — Но дело в том, что я проверила в базе, и наш банк, оказывается, уже выдал вам карту недавно.

— Оказывается, — эхом пыхчу я в ответ. — Разве это помеха для новой?

— Вообще-то да, — явно дивясь моей недогадливости, выдавливает менеджер. — Прошу простить за беспокойство...

— Эх, какая досада, — вздыхаю я, в очередной раз не позволив собеседнице договорить.

— У меня не вся информация просто сразу подгрузилась, — будто продолжает оправдываться она. — Еще раз приношу извинения.

— Да ничего страшного! — отзываюсь, сбрасывая звонок. — Всегда рада пообщаться.

Бухчу себе под нос, толкая скрипучую дверь, и втаскиваю тяжеленные пакеты в холл родного детского дома.

— Васька! — окликает меня знакомый голос. — Ну чего так поздно-то?

— Дошивалась, мам Вер, — киваю на пакеты. Чет сил совсем не осталось их дальше тащить: — Решила уж закончить с этой партией, и сразу скопом все привезти. А то на такси к вам кататься недешёвое удовольствие.

— Дуреха, — усмехается моя бывшая воспитательница, — а ткани столько закупить – дешевое? Откуда только деньги берешь, если вместо работы целый детдом обшиваешь?

Вера Пална выуживает из пакета пиджак, дошитый мною последним, буквально двумя часами ранее, и довольно цоккая, разглядывает мою работу:

— И ткани-то поди дорогие, — переводит на меня взгляд, в котором читается явное подозрение: — Так, ну-ка признавайся, Власова! Ты банк ограбила?

Усмехаюсь. Ну, можно и так сказать. Вернее сразу с десятков.

Ну а чего? Я тут для себя решила, что всему надо говорить «да»! И тут они как повалили звонить. А мне бы почему и не

взять эти карточки кредитные? Вроде и работникам банка хорошо — планы закрывают, и я детишкам одежды нашью, — в итоге все вроде как довольны!

— Мам Вер, ну почему вы о нас постоянно сначала плохо думаете? А потом уже разбираться начинаете? — строю жалостливую мордаху.

— Профдеформация, — ухмыляется она. — Ну, иди я тебя обниму, моя маленькая.

И я действительно как маленькая. Сутулюсь, будто вся тяжесть мира на меня навалилась, и я наконец могу расслабиться, прижавшись к маме.

Помнится, когда я была еще воспитанницей, за обнимашками мамы Веры нужно было целую очередь отстоять. Да и то, не слишком она нас этим баловала, а то мог рев подняться на всю комнату.

Зато теперь я особенная. Как ни зайду в гости, так она меня приголубит. Не знаю, что тому виной. То ли мои подарки и гостинцы, ведь директриса все финансирование в карман кладет, и до детей крохи доходят. То ли мое состояние здоровья, что я кажусь ей такой жалкой. То ли и правда скучает по нам. Но это ж какое сердце у человека большое должно быть, чтобы каждого своего выпускника помнить, и тосковать по нему, как по родному человеку.

А может я и правда особенная?

— Устала? — Вера Пална прихватывает меня за плечи и жестко отстраняет от себя, явно желая читать по моему

лицу правду. — Ты что и действительно совсем от лечения отказалась?

Киваю, зная, что раз спрашивает, значит уже точно с врачом созванивалась.

— Ну ты бестолочь? — с сомнением спрашивает она, однако в голосе притаилась горечь, которая делает ее слова совсем не обидными, а какими-то щемящими.

Бодро вздергиваю подбородок:

— Не хочу больше, мам Вер, — выдавливаю улыбку. — Они ведь сразу сказали, что поздно нашли эту заразу.

— Поздно-не поздно, но попытаться-то стоило? — вроде как отчитывает.

— А разве я не попыталась? — улыбаюсь, стягивая с головы тоненькую вязанную шапку. — Гляди, как старалась. Аж все волосы от натуги выпали.

Пытаюсь выдать смех, но выходит какое-то жалкое пыхтение:

— Я ведь тебе обещала, что сделаю все возможное. Сделала. Ну надоело мне в больницах торчать. Так хоть успею в своей новенькой квартирке обжиться. Да малым одежды пошью.

Замолкаю, видя в привычно строгих глазах слезы:

— Говорю же, дуреха бестолковая! — фыркает мама Вера, отворачиваясь от меня. — Я в этот раз тебя тоже с подарками решила встретить.

Она отходит к подоконнику, на котором лежит небольшой

пакетик:

— Сама связала, чтобы твоя бестолковая башка не замерзла, — выуживает из пакета красную длинную шапку с огромным белым бубоном: — Во! Дарю!

— Ух ты, — улыбаюсь, тут же нахлобучивая подарок на голову. — Теплая какая! И мягкая!

— Да, я ее в кондиционере специально постирала, чтобы пряжа смягчилась, — хвастает мама Вера, пока я иду к зеркалу, что притаилось на одной из колонн холла.

— Обалдеть, да я же прям гном! — смеюсь от души. — Красота какая! Спасибо, мам Вер! Приду теперь под новый год в ней, малым скажу, что помощник деда мороза.

— Далече еще до нового года. Середина осени только. Так что еще до того пару раз прийти успеешь! — звучит как требование, с одной стороны. А с другой, как напоминание, что до нового года я могу и не дотянуть.

— Ладно! Договорились! — отзываюсь, подхватывая один из пакетов, в котором припасла еды для местных «охранников». — Ну, я пошла. Еще хотела собак заглянуть покормить. Да скоро уже автобус до меня последний.

— Ой, сдались тебе еще эти бродяги, — отмахивается Вера Пална. — Ну, дело твое, — смягчается. — Ты бы может лучше на дискотеку сходила или... не знаю, в путешествие какое отправилась? Раз уж денег на ткань да на гостинцы детям находишь, так лучше бы на себя потратила? Что ты видела, Васька?

— Я детдом видела, мам Вер. И знаю, каково здесь. Если бы не вы... — стряхиваю с себя навалившуюся меланхолию. Не до уныния мне! — В общем лучше детям помогу. Так сказать след от себя оставляю хоть какой-то. А попутешествовать я и в другой жизни успею.

Улыбаюсь во весь рот, давая понять сердобольной женщине, что я в полном порядке. И это действительно так! Если бы люди только знали, насколько прекрасным становится каждый прожитый день, когда эти дни начинаешь считать. Ценность жизни осознается на краю. И я ее осознала, а потому ценю, вместо того чтобы тратить время на поиски справедливости в этом мире.

А еще, я где-то вычитала, что позитивное мышление способно любые болячки исцелить. Так что я искренне верю, что и на новый год приду, и на восьмое марта. И в следующем году тоже!

— Ясно, не жили богато, и не стоит начинать, — по-своему понимает мою исповедь мама Вера. — Оставила уже след, Вась.

Она улыбается и протягивает мне пакет, из которого вытаскивала шапку. Там очевидно еще что-то осталось.

— Машуня говорила, что ты ей снишься. Счастливая. Так что все хорошо будет, — подбадривает.

Принимаю пакет и, чмокнув маму на прощание в щеку, спешу сбежать из своего бывшего дома на улицу.

Заглядываю в кулек, и вытаскиваю из него несколько ли-

стов бумаги. В свете уличного фонаря, могу разглядеть детские рисунки, что каждый раз для меня рисуют малые. Вроде в благодарность за новые наряды.

Один рисунок особенно привлекает мое внимание, потому что на нем изображена... скорее всего я. Судя по тому, что на персонаже этой картинки тоже красная гномья шапка, — очевидно мама Вера похвасталась воспитанникам, какой подарок приготовила для меня. А рядом с этим гномом огромный крокодил, почему-то с крыльями. Гном с крокодилом держатся за ручки, что в детском исполнении представляют собой пучок «пальцев» на веточке. И в довершении всего, вокруг этой парочки, голубые точки, будто кто-то просто чихнул краской на этот шедевр.

Это наверно Манюня, засранка, расстаралась. Она мне вечно жениха подобрать пытается. Маленькая, а ушлая какая — жуть!

Интересно, так себе нынешние детки представляют идеальный брак: гном и крокодил?

Смеюсь, скручивая рисунки в трубочку, и засовывая их во внутренний карман своей дутой ветровки.

Сворачиваю за угол здания. Темно уже совсем. Но я пробираюсь вдоль стены на задний двор, где под старым дубом притаилась смастеренная когда-то давно детишками будка.

Меня встречает худющий как велосипед высокий двортерьер.

— Ну, привет, Маршал! А где остальные?

Пес, радостно виляя хвостом, провожает меня до своего дома. Иду за ним, уже не полагаясь на зрение. То ли и правда так темно, то ли меня уже и зрение подводить начало.

Фу, аж голова кружится...

Спотыкаюсь буквально на ровном месте и запутываюсь в собственных ногах. Понимая, что падение уже неизбежно, выставляю перед собой руки, и щурюсь, в ожидании удара.

Ой!

Кажись, я кого-то придавила. Под пальцами ощущается холодная кожа. Замерзли видать песели мои.

Так, а почему собственно собака-то лысая?

Наконец приоткрываю один глаз и... открываю второй, посчитав, что первый-таки ошибся, с распознаванием картинки.

Мужик.

Мои руки так уверенно покоятся на его обнаженной, и надо сказать весьма такой внушительной, груди, что становится немного неловко. Хотя чего там руки. Технически я на полкорпуса улеглась на бедолагу.

Неужто зашибла? Иначе чего он не шевелится?

Или он тут такой и лежал?

Ой, мамочки-Верочки...

Подсказываю на ноги не в силах оторвать глаз от распластавшегося передо мной мужика. Косматая башка вместе с темной длиннющей бородой, и растрепанная одежда, подсказывают, что передо мной обычный Ростовский бомж. За

всем этим безобразием совершенно не разглядеть лица. Однако форма тела покоя не дает. Будто этот бомж только что из спортзала вышел.

Щурюсь, когда мерещится, что на натруженной коже, будто какой-то иней сверкает. Пытаюсь проморгаться, но ничего не помогает, перед глазами какие-то навязчивые искорки.

Холодно зато конечно, но не настолько, чтобы этот бедолага заиндевел прямо.

И чего ему на территории детдома понадобилось? Может он в будке спал?

А чего он не шевелится-то? Надеюсь живой хоть?

Как-то не по себе становится. Может, замерз напрочь? Блин-блин, наверно маму Веру лучше позвать!

— Эй, бедолажный? — срывающимся на писк голосом выдавливаю я, осторожно подпихивая бродягу носком своего ботинка.

Мои слова почему-то отбиваются эхом. А до меня наконец доходит, что я как-то подозрительно хорошо могу разглядеть мужика, хотя до этого с трудом угадала в темноте Маршала. Будто кто-то зажег рядом мириады свечей...

Отшатываюсь от предположительного трупа и в шоке раскрываю рот, обнаружив над головой своды не пойми откуда взявшегося темного мраморного зала, по углам которого словно звезды светятся небольшие огоньки.

Черт возьми, похоже, позитивное мышление не сработало. И я все-таки умерла...

Вот блин! Походу статьи из интернета-таки обманули!

Ну, допустим!

Тогда че это за мужик? Нам с каким-то бомжом досталась одна комната на двоих в чистилище что ли?

— Эй, уважаемый почивший? — предпринимаю я попытку, снова нависая над мужчиной.

Ну а чего уж бояться, раз мы, так сказать, оба не слишком-то живы.

Ноль реакции.

А может это жнец смерти на отдыхе?

— Товарищ жнец? — не теряю я надежды найти, как эта штукавина включается.

Все-таки в компании всяко поприятнее будет, нежели одной тут теперь вечность куковать. В конце концов, возможно бродяга-то этот как раз уже в курсе каких-то здешних правил и устоев.

Признаться, я уже не раз представляла себе, как оно будет, с тех самых пор, как врачи мне дали понять, что я безнадежна.

Нет, конечно, изначально я была в отчаянии! Плакала и убивалась, не хотела этого признавать «как же так, я такая молодая, жизни не видела, не справедливо» и бла-бла, а затем пришли привычные для любого конфликта стадии торга и наконец, принятия.

Так что теперь я несказанно рада, что все произошло вот так безболезненно и быстро. Главное, что успела одежду для

мелких маме Вере отдать.

Ну вот, сожалеть получается не о чем, значит злым духом мне точно не бывать. А вот этот мужик определенно сошел бы за какую-нибудь нечисть.

— Екробанихчек... — слышится неразборчивое мычание.

И я автоматически включаюсь обратно к загробной жизни, и падаю на колени, только теперь обнаружив, что пол-то в этом склепе тоже весьма холодный и весьма мраморный.

Блин, вообще-то больно! Это что еще за дела такие? Как насчет бестелесной формы? Эфемерности души? И отсутствия боли?

Походу, и тут статьи из интернета обманули.

Мой сосед по склепу лежит все так же неподвижно, буд-то и не он вовсе мычал. Осматриваю его с ног до головы, на наличие видимых повреждений. При таком освещении не особо-то углядишь, но так скажем, зияющей дыры в его груди не обнаруживается. Вернее обнаруживается, но только в пострадавшей рубашке, что словно от времени разваливаться начала, обнажая могучую грудь.

Ох уж эта грудь... Прекрасен загробный мир, раз уж у меня либидо восстанавливаться начало. Да так начало, что какой-то бродяга полуживой кажется весьма сносным.

Эх, нелегко умирать девственницей. Тфу ты, Васька!

Глава 2. Ты и мертвого своим пением разбудишь!

Не придумав ничего лучше, чтобы привести в чувства своего соседа по склепу, зажимаю ему нос, и жду, пока он захочет вздохнуть.

Секунды вырастают до минут, а он все не сдается. Вот черт, неужели показалось?

Хотя наверно это было заведомо идиотской идеей, ждать, пока нечто загробное пожелает дышать. Ладно, зайдем с другой стороны.

Набираю полные легкие воздуха и во всю мощь своего не самого звучного голоса, пропеваю:

— Вставай страна огромная!

Ну а что? Раз уж обычные приемы на него не действуют, прибегаем к... необычным. Мама Вера мне всегда говорила, что я своим пением и мертвого поднять сумею.

Походу тоже обманула. Мой сосед по склепу все еще лежит – не шелохнётся.

Так, и чего мне с ним прикажете делать?

Как там в моем любимом сериале про врачей? Первым делом пульс проверить?

Тянусь к обездвиженному телу, подсовывая руку под длинную бороду, и не успеваю дотянуться до шеи, как моя

рука натывается на какой-то упругий предмет, торчащий ориентировочно из-под ключицы бедолажного. Одергиваю руку от неожиданности.

— Тичан... — наконец замечаю слабое шевеление губ своего товарища по несчастью. — Чой...

Последнее звучит, как предсмертный вздох, нежели как что-то членораздельное.

— Хоть чой, хоть ни чой, а пора просыпаться уже!

Снова мерещится, будто у него под кожей синие всполохи сияют. Вся грудь, — я не то, чтобы его разглядываю, — едва заметно покрывается рваным узором, какой я видала в интернете у людей, которых молнией шибануло. Может это наказание какое? От самого... Ой, мамочки-Верочки.

— Вот это налакаются и помирают от белой горячки, — ворчу я, пытаюсь рассмотреть под густой черной бородой, что за фигня торчит из этого горе-электроника. — Может тебя и спасти-то не положено. Но что уж поделаешь. Если что, скажем, что я новенькая, и правил не знала.

Пульс щупать уже все равно смысла нет. Да и опять-таки: ну кто таким в загробном мире занимается, Вась?!

Спокойно, к этому просто нужно привыкнуть.

— Тичан! — сквозь зубы рычит бродяга, будто из последних сил, однако даже не пытаюсь шевельнуться.

Блин, нерусский что ли?

Это было бы не очень хорошо, если учесть, что нам тут вдвоем куковать бесчисленное количество вечностей. Было

бы приятно иметь возможность с кем-то пообщаться. Хотя, думаю, у меня будет достаточно времени, чтобы научить бе-
долажного русскому языку.

Начнем по порядку. Надо бы ему дееспособного состоя-
ния придать. А то лежит, пыхтит и светится, как морозный
узор на свету. О, точно! А я все понять не могла, чего мне
эти завихрения на его груди напоминаю. Может он действи-
тельно замерз насмерть?

Ладно, с этим потом разберемся. Думаю, стоит для нача-
ла эту штуковину из его груди-таки вынуть, может тогда и
удастся перейти к изучению языков.

Но руководствуясь моим любимым сериалом: все, что во-
ткнуто в живое тело, не стоит так бездумно высовывать. Од-
нако, технически – он уже не живое тело, значит убить его
еще раз я вряд ли смогу. Ведь так?

Пока не передумала, запускаю руку под бороду, и одним
рывком выдергиваю сомнительный предмет из груди това-
рища. Да так легко этот предмет пошел, что я аж на задницу
осаживаюсь, с удивлением взирая на извлеченное инородное
тело.

Блин. Это ручка. Старенькая такая. Потертый красный
пластик даже немного потрескался. Зато с переключающи-
мися стержнями.

И на кой черт она ему понадобилась, да еще и в таком
положении относительно его тела?

В голове сразу обрисовалась картинка, как в тот самый

момент, когда я намеревалась, — сама того не подозревая, — перенестись из собачей будки в царство небесное, ну или подземное, где-то на другом конце планеты пара забулдыг перепили и устроили драку, да не на жизнь, а... Ну в общем и так понятно. В итоге, по моей теории, моего нового друга этой самой ручкой собутыльник и заколол. А потом оставил доходить на морозе. Вот и дошел, Морозко.

Ну вот, а я-то из-за болезни слегла, и даже никакого сувенира не прихватила.

— Ммм, — раздается мучительный стон.

Переключая внимание с ручки на ее владельца, что уже пытается сесть, очевидно, еще больше подмерзнув на натуралистично ледяном мраморном полу.

Значит, не добила? Ну, слава тебе господи!

Бездумно подаюсь вперед и обнимаю столь бесценного, в сложившихся обстоятельствах, бродягу за шею, попутно едва не заваливая его обратно:

— Миленький мой, живой, — не совсем уместное в данном случае замечание должно быть, но оно сейчас достаточно емко отражает разницу между хладным мычащим телом посреди этой не слишком-то уютной гробницы, и уже куда более подвижным созданием. — Ты не волнуйся, я тебя языку научу, будем с тобой в города играть...

В мои плечи довольно жестко, и на удивление уверенно, — для без пяти минут мертвеца, — вцепляются огромные ладони. Бродяга отстраняет меня от себя, и заглядывает в

глаза, своими льдисто-голубыми. Потрясающе...

А он красавчик. Хотя это еще слабо сказано, относительно идеальных черт его грозного лица. Побрей, да помой, и хоть на подиум выпускай, еще и с такой мощной фигурой, которая мне все покоя не дает.

Красивый бродяга наконец размыкает свои чувственные губы:

— Ты еще... — начинает он охрипшим голосом, — что за черт?

Глава 3. Гордый метр шестьдесят, требующий к себе уважения

— О, так вы говорите по-русски? — удивляюсь я. — Я не черт! Я – Вася. Хотя, признаться, вы мне попервой тоже какой-то нечистью показались. Но это я от неожиданности просто. Знаете ведь, никогда нельзя быть готовым к такому делу – сколько не готовься... Ой, а вы ведь должно быть еще и не осознали, где находитесь?

— Гном что ли? — будто абсолютно игнорируя мою попытку наладить контакт, бормочет красивый бродяга, слегка поворачивая меня в своих руках, словно изучая неведомый фрукт на вопрос его съедобности. — Обычно они любят всякую чушь нести. Мелкий, бестолковый. Да и колпак похожий.

Он звучит так рассудительно, что я невольно начинаю подумывать, а не гном ли я часом? Так, стоп! Колпак может и правда похожий, а вот все остальное: ничего это не чушь! И не такая уж я мелкая, как-никак метр шестьдесят наберется!

— С чего это бестолковый? — хмурюсь, выбираясь из рук благодарного, и поднимаюсь на ноги.

— Потому что тянул слишком долго с тем, чтобы из меня эту штукину вытащить! — грозно заявляет он и кивает на шариковую ручку, что все еще в моих руках: — Я несколько

раз попросить успел! Ты этого ждал? Хотел заставить дракона молить?!

О, так мы еще и ненормальные? Ну, или же у нас настолько завышенное самомнение?

«Дракон» весьма бодро вскакивает вслед за мной на ноги, и я буквально рот открываю, явно недооценив его в лежащем положении.

Оу, ну так и быть, вынуждена признать еще один пункт, кроме колпака. Относительно такого великана мои метр с кепкой и правда – гном. Он словно скала нависает надо мной.

— Отвечай! Как ты тут оказался, смерд?! Пришел убедиться, что я умер?! — рокошет косматый, вынуждая меня пятиться.

Ну, приехали. Уже начинаю подумывать, что не стоило-то мне ручку трогать.

Ладно, надо попробовать переиграть:

— Уважаемый, я вас впервые вижу, и какое право вы имеете так неуважительно обращаться к незнакомому человеку? — вздёргиваю подбородок, стараясь казаться не менее грозной, чем этот выскочка.

Ну и что, что передо мной злоющий шкаф, бугрящийся мышцами? Я, знаете ли, тоже не пальцем деланная, знаю правила таких игр. Хоть детдом, хоть загробная жизнь, — если сразу себя не показать, то и не получишь никакого уважения! В конце концов, еще раз убить меня он не сможет...

Вздрагиваю, когда косматый громила в один шаг преодолевает расстояние между нами и с яростью вцепляется в мое горло:

— Ты хоть знаешь, с кем говоришь, щенок?! — грохочет его голос, отбиваясь эхом от каменных стен огромного зала.
...или сможет...

По крайней мере, его рука на моей шее ощущается весьма угрожающе для моего здоровья. Позвоночник того и гляди норовит в трусы высыпаться. И ноги! Черт, мои ноги уже оторвались от земли!

Вот это в нем дури! Одной рукой такое выделять.

И тут я задумалась. А я ведь и правда, не знаю, с кем говорю...

Может он демон какой?! Ой, мамочки-Верочки! Вот так попала.

— Из-вините, — выдавливаю хрипло. — Но я действительно не в курсе, кто вы.

Чувствую, как под ногами снова появляется твёрдость мрамора. А безумец, подозрительно щурясь, изучает мое лицо:

— Правда, не знаешь?

Киваю усердно, хоть мне и мешает огромная ладонь, что все еще лежит на моей шее.

Еще одна порция изучающих манипуляций со стороны безумца, и я наконец получаюжданную свободу, и могу вдоволь прокашляться.

— Малец совсем, — заключает ненормальный. — Тебя должно быть и в миру тогда еще не было.

— Чего? — зачем-то переспрашиваю.

— Говорю, не родился ты еще наверно, когда меня здесь заточили.

— Заточили?

Вот блин, я же не высвободила демона какого?

— Сожрать тебя что ли? — равнодушно размышляет вслух мой недружелюбный сосед по склепу.

— Это зачем еще?!

— Голоден я.

— Так чего ж меня сразу?

— А кого прикажешь? В этой каменной гробнице ни одной травинки, чтобы поживиться, — разводит руками.

Звучит вполне правдоподобно.

Не улыбается мне перспективка, оказавшись в загробной жизни, быть съеденной каким-то сомнительным Люцифером бомжеватой наружности. Мысли идут на опережение:

— У меня найдется! — выпаливаю я, под этим пристальным взглядом чувствуя себя десертом на витрине перед бальзаковской дамой отчаянно желающей придерживаться своей диеты.

Юркаю под огромной ручищей, что очевидно намеревалась уже схватить меня, и отыскиваю на полу свой пакет, — слава богу, — с припасами для приютских дворняг.

— Вот! — протягиваю Люциферу. — Там немного, но мо-

жет хватит на первое время, чтобы не обязательно было меня есть?

Принимает из моих рук «дар», и выуживает из пакета буханку вчерашнего хлеба, что я покупаю всякий раз в ларьке у дома, перед поездкой в детдом. И молочные сосиски самые дешёвенькие, что на вкус не лучше туалетной бумаги.

Демон принюхивается, и очевидно найдя мое подношение
сносным, вгрызается в кирпичик:

— Ммм, — довольно мычит он, закусывая сосиской и с аппетитом пережёвывая сухомятку. — Интересное блюдо.

Действительно.

— Вы бы хоть кожуру сняли с сосиски, — мямлю жалобно, но тут же отмахиваюсь, понимая, что ему сейчас совсем не до моих нравоучений. — Ладно, раз с вашим воскрешением и обедом разобрались, то я, пожалуй, пойду, — бормочу, пятясь в темноту.

— Куда? — спрашивает.

И правда? Насколько я могу судить о загробной жизни, уйти из нее не очень-то получится.

— Ну, в уголке посижу, — пишу я. — В сааамом дальнем.

— Бестолковый гном, — фыркает демон. — Выход с другой стороны.

Разворачивается и идет в противоположном от моей лунной походки направлении.

Выход?

Глава 4. Неблагодарный

Семеню за демоном, очевидно ориентирующемуся несколько лучше в местных краях, чем я.

Сворачиваем за угол, входя в очередной просторный темный зал, и я едва не врезаюсь в мужскую спину, когда та вдруг застывает прямо передо мной.

И чего замерли? Выглядываю из-за его плеча, пытаюсь понять причину затора.

Демон смотрит в темноту на какую-то грудку камней, а затем поднимает раскрытую ладонь рядом со своим лицом, и сжимает ее в кулак:

— Я отомщу за тебя отец, — клятвенно шепчет он.

Оу, семейная драма не чужда и демонам?

Пытаюсь взглянуть в темноту, стараясь разобрать, к кому он там обращается, но ничего кроме камней не вижу. Так пристально смотрю, что начинает казаться, будто перед нами лежит скелет динозавра из музея. Чушь какая-то.

Демон снова возобновляет шаг, и я едва поспеваю за ним. Уже через несколько секунд мы зачем-то упираемся в стену, а затем меня ослепляет яркий свет.

— О стихия, как же мне тебя не доставало в этом душном склепе, — бормочет демон, глубоко вдыхая.

А мои глаза наконец привыкают к неожиданной ясности, и я обнаруживаю, что мы стоим посреди поля.

Поле? Посреди ада? Я извиняюсь... но мне кажется, что какой-то мне бракованный ад достался. Где же котлы? Огонь? Тут сыро, как в среднестатистическом Ростове в середине осени. Брр!

Да и демон признаться какой-то поломанный. Он замер и стоит, прикрыв глаза, будто бы солнышком наслаждается, которое вяленько припекает сырую землю, клонясь к линии горизонта.

Впервые за все время я тут задумалась, а ад ли это вообще? Однако, почему-то уверенности в том, что меня бы взяли в рай, после всех моих проделок с кредитками, у меня особо нет.

— Ладно, я пойду, пожалуй, — бормочу, предпринимая очередную попытку улизнуть от этого властного бродяги с завышенным ЧСВ.

Сомнительный демон не реагирует, и я, воспользовавшись его меланхолией, делаю пару уверенных шагов, в сторону видимого вдалеке леса. Как бы там ни было, но, на мой взгляд, уж лучше одной, нежели попасть в рабство к этому демону-самодуру.

Что за...

Раскрываю рот в немом крике, когда мои ноги вдруг увязают в ледяной жиже... Предпринимаю попытку вытащить хоть одну, но все без толку, мои щиколотки лижет вязкая грязюка, будто норовя меня проглотить. Не проходит и минуты, как я оказываюсь уже по колено в вязкой трясине.

Болото! Черт бы меня побрал! И в данной ситуации это даже не фразеологизм. Беру свои слова обратно! Лучше бы я отдалась на службу этому громоздкому черту, нежели так заживо увязнуть в болоте!

Пытаюсь извернуться, чтобы оценить вышел ли демон из транса:

— Эй, — окликаю его, хаотично подбирая для него наименее обидное определение, из изобилия возникших у меня в голове до сего момента. Не стоит обижать своего потенциального спасителя: — великан! — нахожусь наконец, — ты бы не мог подсобить? Меня тут это... всасывает.

Так и не найдя ракурс с которого я могла бы увидеть громилу, замираю, чувствуя, что от нервного ерзанья меня еще сильнее засасывает.

— Алло, Морозко, прием! — предпринимаю еще одну попытку. — Я тут как бы в беде! Может, поможешь?

Тишина. Неужто уже умыкнул? Ну, блин-блин! И что мне прикажете делать?

В панике начинаю озиаться по сторонам. На глаза как средство спасения попадает только какой-то сухой тростник. В отчаянии хватаюсь за него, но сушняк нещадно обрывается, не позволяя мне найти путь к спасению.

О, палочка какая-то! Или даже корень, что было бы весьма предпочтительно. Однако деревьев поблизости не наблюдается, так откуда бы взяться... оой, мамочки!

— Змея! — воплю в ужасе, когда понимаю, что прихва-

тила вовсе не палочку, но разжать руку уже не удастся, так как мою ветровку начинает что-то стягивать, а ноги того и гляди оторвутся, оставшись в пучине, потому что меня словно подъёмным краном за шиворот начинает вытягивать из болота невидимая мне сила.

Ноги на удивление все же остаются при мне и наконец касаются твердой почвы. Однако кажутся какими-то занемевшими. Изучаю свои горемычные конечности, убеждаясь, что мне не показалось, что они все еще со мной.

— Жизнь за жизнь! — слышу грозный голос над собой.

Поднимаю взгляд на бродягу.

— Моя конечно бесспорно подороже стоит, так что можешь попросить за мое пробуждение что-нибудь еще, — великодушно предлагает демон.

Мы со змеей несколько удивились подобному раскладу, она глядит на меня всеми своими шестью глазами, и... Ой, мамочки! Шесть глаз... Не, не то... Змея!

Выбрасываю гадину, которая, кажется и сама немного оторопела от того, что я ее так нагло схватила почти за самую голову, и прочищаю горло, стараясь не разораться от страха:

— Просить все что угодно? — возвращаюсь я к разговору с великаном, пытаюсь придать своему втоптанному в грязь образу хоть немного дипломатичности.

— Мгм, — косматый хмурится.

— Тогда... можно я пойду? — выдавливаю нерешительно. У меня откуда-то стойкое ощущение, что я обязана была

спросить у него разрешения.

— Куда? — непонимающе моргает на меня, будто я сказала нечто более сверхъестественное, нежели собой представляет этот сомнительный загробный мир.

— Куда-нибудь подальше... от... вас, — натягиваю вежливую улыбку.

— Кхм, — приосанился. — Иди.

— Спасибо, — киваю я, и хочу было уйти, но тут вспоминаю, что кое-что прикарманила: — А, вы тут обронули. Заберите...

Выуживаю из кармана отсыревших джинс шариковую ручку и, поймав громилу за руку, вкладываю в открытую от неожиданности ладонь. Отнимаю руку и приподнимаю бровь, пытаюсь понять, что делает безумец. Застыл.

В следующую секунду происходит что-то странное. Гигант вдруг грохается на колени, сотрясая землю, и валится плашмя у моих ног, словно пизанская башня, из альтернативной вселенной, которой-таки не удалось устоять. Для пущей эффектности великан впечатывается своей косматой головой в сырую почву, и начинает снова мычать что-то неразборчивое, однако по тональности напоминающее наш русский-народный матерный.

— Эй, ты чего? — непонимающе вопрошаю, слегка наклоняясь к странному мужику. — Неужто настолько по стихии соскучился?

— Замерзетудрянь... — мычит бедолажный.

И до меня наконец начинает доходить, что эта простенькая на вид авторучка как-то подозрительно действует на моего недружелюбного знакомого.

Секунду колеблюсь, припоминая, что с момента нашего знакомства слова доброго от него не слышала. Но я ведь не настолько злопамятная. Глядишь, и для него уроком вежливости будет.

Выдергиваю из крепкой ладони ручку, и мой болезненный демон моментально приходит в себя: вскакивает на ноги и отряхивается от налипших комьев земли.

Вот так фокус...

— Что б тебя! — рычит он. — Если бы я знал, лучше бы оставил тебя в трясине!

— Неблагодарный! — наконец взрываюсь, но тут же осекаюсь, видя, как мужчина замирает и поднимает на меня яростный взгляд.

— Может тебя обратно в болото вернуть? — рокошет.

Отшатываюсь:

— Может лучше мне ручку на место вернуть? — шиплю ему в тон.

Тараним друг друга взглядами. Громила находится первым:

— Раз уж у тебя в руках артефакт, который мне нужен, а сам я его унести не в состоянии, значит, будешь моим чемомоданом!

— Чего?.. — только и успеваю сказать я, когда меня под-

хватывают и, перекинув через локоть, аки банное полотенце, утаскивают в неизвестном направлении вдоль болота.

Глава 5. Я, стесняюсь спросить, а что собсно происходит, в этом вашем бракованном аду? Что? Не ад, говорите?

Это еще хорошо, что я с самого обеда ничего не ела. Иначе бы меня попросту вывернуло бы на кажущиеся добротными ботинки неблагодарного мужика, что волочет меня как мешок с картошкой.

Вот уже с полчаса я только тем и занимаюсь, что лицезрею эти самые добротные ботинки, и не пойми откуда взявшуюся на болоте корку льда. А, ну еще шапку держу, чтобы не потерялась.

А мой бомж походу, не так-то прост. Обувка-то и правда, неплохая у моего нового знакомого. На вид весьма качественного пошива. Со всякими разными финтифлюшками в виде золоченых клепок, которые проглядываются даже под слоем грязи и пыли.

Видимые полы камзола оторочены замудренным узором золотой нити. Признаться в темноте склепа я приняла его за какой-то халат. Сейчас же, на свету, мириады страз, будто бриллиантовая пыль, запутавшаяся в витиеватых завихрениях, слепят мне глаза, переливаясь в скудных лучах за-

ходящего солнца, пробивающегося сквозь деревья.

О, деревья! Так мы уже до леса добрались?

— Вы вроде обещали меня отпустить? — в который раз напоминаю я.

— Передумал.

Вот же засранец! Можно было бы конечно приложить его этой волшебной ручкой, но я все еще надеюсь, что этот безумец притащит меня к какому-то более цивилизованному месту, чтобы я снова не увязла в каком-нибудь болоте. Тогда-то я от него и сбегу.

— Черт, не успеем, — недовольно шипит бродяга. — Солнце почти село.

Он останавливается. И разжимает руку, позволяя мне свалиться к его ногам, как мешку с мукой:

— Оу, — стону, прихватываясь за живот, который занемел от боли, пока я висела на руке.

А этот черт будто даже ж и не устал ни капельки.

— Придется здесь заночевать, — констатирует он, и я понимаю, что вот он и пришел мой конец.

— Вы шутите?! В лесу у болота? У меня и без того уже все придатки отмерзли — одежда насквозь мокрая. Да я замерзну насмерть!

— Рано насмерть, — отмахивается он, оглядываясь по сторонам, будто в поисках чего-то. — Как только солнце сядет, лес окутают туманы. Нам не выбраться до рассвета. Иначе заблудимся.

— Тоже мне, — фыркаю. — Такой весь из себя крутой, а тумана испугался! Куда серьезнее проблема — отстудить себе почки. У меня знаете ли и без того здоровье не ахти!

Вспомнив о здоровье, я к собственному удивлению вдруг соображаю, что, несмотря на все свалившиеся на мою лысую голову приключения, я будто вовсе и не устала. Могла бы и сама вполне выбраться из этого леса. О, а это идея. Так пусть и ночует. А мне остается только дожидаться, пока он уснет.

подавляю коварную улыбку, обнаружив, что бродяга меня пристально изучает.

— Ты ведь неместный? — спрашивает он с такой интонацией, будто уже и без того знает ответ.

Признаться странный вопрос. Но зная на собственном опыте, что оказавшись на чужом районе, можно отхватить люлей от местной шпаны, вздергиваю подбородок:

— Чего это вдруг? — на всякий случай отвечаю вопросом на вопрос.

— Туманов не знаешь, с болотом не дружишь. Как ты тут оказался, пацан? — щурится.

Разубеждать его в том, что я не пацан как-то и не особо хочется. Мало ли что у него на уме?

— Мимо проходил, — бросаю.

— Мимо? — с сомнением повторяет. — Гиблых топей?

Г-гиблых? Звучит как-то не слишком дружелюбно.

— И откуда же ты, позволь полюбопытствовать, так неудачно проходил мимо? — а этому бугаю явно не чужд

сарказм.

— Что значит, откуда? — настороженно переспрашиваю.

— Из какого королевства?

Молчу, переваривая его вопрос. Королевства? А как же ад? Это что же, я вовсе не в загробный мир попала?

— Хотя я и сам догадываюсь, — продолжает рассуждать вслух этот недодемон.

А я напрягаюсь в ожидании ответа, переворачивая в голове все варианты предстоящих событий. Если это никакой не ад, то где я?

На ум приходят только абсурдные варианты, хотя все они выглядят весьма правдоподобно на фоне этого странного и уже довольно сомнительного ада.

Я, конечно, извиняюсь, но все эти леса-поля сильно не соответствуют моим ожиданиям, почерпанным из теории, типа «Божественной комедии». Где круги? Где грешники, в конце концов? Или всех в отпуск вывезли? Да и из этого Люцифер какой-то скучноватый: ни тебе рогов, ни хвоста...

Может, ну, к примеру, под старым дубом, где стояла собачья будка, разверзлась какая-нибудь дыра во времени, и я вдруг очутилась в далеком прошлом? Или же и вовсе в другом мире, соответственно и дыра тогда мне досталась не временная, а пространственная. Хм... Любопытно.

Вот откуда у меня вполне реалистичные ощущения боли и холода! Да и есть уже признаться хочется. Тело-то мое, родненькое, при мне, получается. Это ж может и болячка от ме-

ня отстала? Ну а вдруг? Было бы здорово! Вроде как вторую жизнь получила.

Только вот где бы я сейчас не находилась, — будь то прошлое, или же параллельный мир, — вполне вероятно, что попаданцы вроде меня здесь нечастое явление. А значит, если он догадался, откуда я, то сейчас должно произойти что-то страшное, и не видать мне новой жизни, как своих... волос.

По меньшей мере, из кустов выскочит какая-нибудь инквизиция, и меня придадут казни под лозунг «Сжечь ведьму!». Ну а программа максимум: попросту мир расколется из-за этого сбоя — в виде меня.

Да уж... Неловко как-то выйдет.

Глава 6. А мир-то магический

— Из Эландера должно быть, — наконец задумчиво подводит свой итог великан. — За этим лесом как раз граница. Нехило ты приبلудился, малец. Небось, бежал от кого. Преступник?

— Чего сразу обзывать? — бормочу себе под нос.

— Пытаюсь подвести факты, чтобы понять с кем имею дело, — строго отвечает он. — Одежда странная. Порода мелкая...

— Сам ты порода! — возникаю. — Я тебе тут не собака!

Он вдруг склоняется надо мной и одним рывком стягивает с моей головы шапку.

— Эй! Отдай!

— Так и знал. Лысый, — цокает языком, будто что-то понял. — Я слыхал, в одном из соседних королевств так мелких воришек наказывают, чтобы на их содержание деньги казны не тратить, но при этом вроде как отметили, чтобы народ не попадался в лапы лысых гномов. Должно быть, ты и в склеп-то заглянул, только в расчёте, чем-то ценным разжиться?

— Сам ты гном-переросток! — бормочу от обиды, пытаюсь отобрать у мерзавца свою шапку. — В зеркало бы глянул на себя, леший! У меня-то сразу впечатление сложилось, что ты бомж, а теперь понимаю, что зря я так бедных бродяг

обидела. Чубака ты неотесанный!

— И то верно, — неожиданно соглашается, выпуская наконец мою шапку из рук, и позволяя мне в очередной раз испытать прелесть свободного падения с приземлением прямиком на пятую точку.

Ой, больно... Зато ощутимо! Что обозначает только одно... Где бы я сейчас не находилась, я совершенно определенно жива! Таки позитивное мышление сработало!

Великан стягивает с себя камзол, и швыряет мне. А затем... даже толком понять не успеваю, что происходит, когда громила щелкает пальцами, и на него прямиком из неба словно тропический ливень проливается.

Ладно, вариант с прошлым отсекается. Что-то я не припомню из учебников по истории, чтобы наши предки подобное проделывали.

Ух ты... Так это же получается, он еще и какой-то магический, мир этот? Может и лед на болоте его рук дело?

Невольно улыбаюсь, поднимаясь на ноги и наблюдая, как мой хамовитый друг наслаждается небесной протечкой. Вот бы и мне. Протягиваю руку к каплям и тут же одергиваю:

— Ледяная же! — отскакиваю подальше. — Эй, воспаление легких, не, не слышал?

— Чего?

Точно, может у них тут и не знают ни о каких воспалениях? А это значит, что и моя тут глядишь не сможет меня добить! Юху!

— Болезнь? — накидываю я, в надежде, что он меня поймет.

— Мне не страшны никакие хвори, — отмахивается.

— Ага, видали, — киваю я. — Кто-то не боле часа назад лежал полумертвый, испугавшись обычной ручки.

— Это артефакт! — исправляет меня мужчина. — Если бы я только знал, что он способен причинить мне вред, то не провалялся бы с четверть столетия в склепе.

— А, значит, насчет ручки ты не знал...

— Гхррр! Артефакт!

— А насчет воспаления легких думаешь, знаешь? Никто о нем толком не знает, покуда на себе не испытает. Так что ты бы с этим делом поосторожнее был, — киваю на окруживший великана дождь. — Ну, или хотя бы нагрел сначала, раз уж такой всесильный...

Затыкаюсь, когда небесный душ вдруг заканчивается, а в руках у моего озлобленного друга материализуется кусок льда, что по своей форме все больше напоминает тесак мясника.

— Да ладно, вам, уважаемый, — ропщу, — я ведь из благих намерений...

Великан заносит тесак у себя над головой, и я жмурюсь, в ужасе втягивая голову в плечи.

Долгие секунды, плавно перерастающие в минуты, стою с закрытыми глазами, раздумывая, попала ли я снова в другой мир, или все же это была одноразовая акция для смертельно

больных.

Приоткрываю один глаз и на минуту теряюсь.

Вместо бродяги передо мной теперь стоит вполне себе сносной ухоженности мужчина, с очевидно отрубленной ледяным тесаком бородой и прочей излишней растительностью. Влажные волосы ниспадают на его по-мужски красивое лицо, тогда как не состоявшийся демон слегка склоняется, стягивая с себя одежду.

А я стою с открытым ртом. А он... вообще прям всююю одежду стягивает.

Ой мамочки-Верочки!

— Эй, вы чего делаете-то, а?! — возмущенно бормочу, с запозданием отворачиваясь.

— Переодеваюсь, — сухо отвечает.

— Не могли это где-нибудь за деревом сделать? А то, как душ в одежде принять, так...

— Это чтобы заодно одежду освежить. Как высохнет, мою наденешь. Раз уж ты хворям подвержен, а мне пока живым годишься.

О как? Этот финт назовем — «забота о чемодане», вроде ж так он меня величать успел.

С другой стороны и на том спасибо. Моя-то одежда и правда вся отсырела и провонялась тиной. Эх, знала бы, сменку бы с собой прихватила, один из тех костюмчиков, что я для детишек пошила. У меня все равно размер от старшеклассников несильно-то отличается.

Точно, сменка? А во что это интересно собрался мой приятель переодеться?

Боязливо оборачиваюсь, опасаясь снова застать его в неглиже. Еще одного созерцания этой мощи мое нежное девичье сердце не выдержит.

— Ого, — выдыхаю. И нет, дело не в неглиже и не в мощи, а в том, что я как раз успела застать, как на запястьях моего странного друга, словно из ледяных нитей собираются манжеты белоснежной рубашки.

Подхожу ближе и пристально разглядываю волшебную пряжу. Просто невероятно. Я бы себя ущипнула, если бы до этого уже несколько раз не испытала весьма реалистичную боль, которая доказывает, что я не сплю.

Глава 7. Слишком тактильно для brutальных мужиков

— А мне так нельзя сделать? — спрашиваю задумчиво, продолжая разглядывать волшебную одежду. — А то у меня штаны совсем мокрые.

— Околеешь, — фыркает. — Снимай свои странные порты и вон в камзол мой пока заворачивайся. До утра насколько просохнет моя одежда — так и пойдешь.

Тянусь к белоснежной ткани его рубашки, и касаюсь кончиками пальцев. По телу пробегается дрожь, и стужа словно пробирает до самых костей.

— Дурной совсем, — отстраняется великан.

А я настолько заморожена этим удивительным творением, что уже и не обращаю внимания ни на обидные по сути слова в свой адрес, ни на снисходительный высокомерный тон. Бездумно вцепляюсь в руку Морозки, и притягиваю к себе, чтобы разглядеть эту красоту получше.

Это ж надо! Ниточка к ниточке. Я настолько восхитительной ткани в жизни не видала. Даже самые дорогие шелка с этим чудом не сравнятся. Ледяная ткань искрится даже в полутьме, что накрывает лес, вместе со случайными путниками в виде нас с этим великаном. Так и стоим. Я созерцаю прекрасное. А он почему-то не спешит меня одергивать.

— Вы наверно лучший ткач в королевстве, — задумчиво бормочу я, предполагая, что таким талантам просто грех даром пропадать, и куда-то он их да пустил.

— Видал, какой я тесак в два счета сотворил? — спрашивает спокойно.

— Мгм, — отзываюсь, не отвлекаясь от разглядывания шикарного манжета.

На них будто морозный узор. Прикасаться боюсь, помятуя о пробирающем до костей холоде. Однако, удерживая великана за пальцы одной рукой, второй веду над ледящей рубашкой вдоль груди Морозки. А воротник-то, воротник какой шикарный!

Утыкаюсь взглядом в уже не настолько бородатый подбородок, губы сжатые в суровую линию, желваки, что почему-то ходят на лице великана. Глаза, что щурясь, глядят на меня:

— Так вот, думаешь, успеешь? — равнодушно бросает великан.

— Куда? — теряюсь я.

— Увернуться, пока я тебе руки не отрубил? — вдруг грохочет он.

Дергаюсь, осознавая, что основательно так забылась. Однако великан не позволяет мне увернуться, перехватывая мою ладонь.

— Я же вам во здравии еще пригожусь! — напоминаю я, выдавливая жалкое подобие улыбки.

— Никто не говорил о здравии, — рывкает. — Достаточно — живым! А артефакт этот и в зубах донести сможешь!

Блин, да он точно не ткач! Скорее уж мясник!

— Н-не смогу! — извиваюсь, как уж, пытаюсь выбраться из его стального захвата. — Я же кровью истеку, пока мы выберемся, если вы мне обе руки отрубите.

— И то верно, — неожиданно соглашается. — Достаточно одной!

— Ой, кто там?! — вскрикиваю, заглядывая великану за плечо. — Здравствуйте...

Морозко ослабляет хватку, и я успеваю выбраться прежде, чем он понимает, что я сблефовала. Эта уловка еще ни разу не подводила! Хоть тебе шпана из соседнего района, хоть шпана из соседнего мира.

Даю деру, пока великан не осознал, что я его попросту обманула. Бежать как можно дальше, и быстрее! Покуда ноги держат!

Под кедами скрипят сырые ветки, пока я несусь сломя голову через лес. А ноги, будто вовсе и не намерены меня держать. Должно быть совсем замерзли. Блин, ну же!

Пытаюсь не паниковать, когда меня со всех сторон начинает обступать молочное облако. Словно из-под земли лезет густой дым. Черт, так он не шутил насчет туманов?

Что ж, они мне и на руку! Спрячут от этого ирода! Главное бежать! Потом разберусь, как из леса выбраться. Всяко проще это будет сделать, когда за мной никто не будет гнаться!

Хотя ощущение, что за мной вовсе никто и не гонится, потому что ни одного звука за спиной я не слышу.

Каждое движение дается с трудом, будто я снова в трясине увязаю. Бросаю короткий взгляд на свои ноги и замираю, осознавая, что бежать нет смысла... Он не позволит. Мои джинсы покрыты тонкой коркой льда, которая все нарастает, делая каждый мой шаг все тяжелее и тяжелее. Под кожу уже забралась известная мне стужа, и я буквально в землю врастаю, ощущая свое бессилие.

— Далеко собрался? — слышится рядом голос этого чертового холодильника.

Не вижу его из-за тумана, но отчетливо понимаю, что он совсем близко.

— Отпусти! — кричу в молочную пелену. — Ты обещал, за свое спасение! Разве не должен слово сдержать?

— Сдержу, — строго отзывается. — Как только доставишь мне артефакт.

— Ага, да только по дороге не гарантирую, что не расчлению? — не успеваю сдержать язвительное замечание. — Так выходит?!

Из молока вырастает рука, и хватает меня за грудки:

— Уговор был, что позволю уйти, — рычит Морозко. — Но если будешь позволять себе вольности, тебе это удастся только по частям!

Блин, ну что за несправедливость. Такой красавчик, и такой грубиян!

— Да какие вольности-то?! — возмущаюсь я. — Всего-то рубашку посмотреть хоте...

— Негоже мужчинам за руки держаться! — грохочет.

О, так мы еще и категорично не толерантны?! Посмотрела бы я на реакцию этого воробушка-гомофобушка, если бы он узнал, как я на него в самом начале приземлилась удачно. Там не то, что за ручки так-то было, всем телом улечься успела...

Но да ладно. За свое злорадство и поплатиться можно. Узнает, что я его слегонца полапала — прибьет. Узнает, что я его полапала как девчонка — еще чего похуже сделает. Так что надо бы впредь поосторожней со своим тактильным недержанием. Да и со всем прочим, дабы не выдать себя.

Прочищаю горло, в надежде, что мой голос станет звучать грубее:

— Точно, мы ведь brutальные мужики, и нам такое не пристало, — бубню я, как могу, стараясь изображать мужчину, но судя по тому, что выходит как-то странно, мужчин я себе тоже представляю весьма... эм... странно. — Соррян, бро! Больше не повторится.

Неодобрительно глядит на меня исподлобья, явно восприняв мою некачественную игру, как дурачество. Ну что поделаешь, не велик у меня опыт общения с сильным полом. На моей памяти только пацаны из детдома, да шпана всякая с которыми мы дрались на улицах.

Признаться, мы тогда и не отличались ничем сильно.

Шапки по самые глаза, затасканные кем-то штаны и безразмерные куртки. Что девочки – мальчишки, что мальчики – мальчишки.

— Это в твоих же интересах! Еще раз позволишь себе подобное – пеняй на себя, — шипит он мне в лицо, еще раз для верности встряхивая за грудки. — И перестань уже использовать свои странные словечки! Я половину не понял.

Его взгляд вдруг падает за молнию моей ветровки, и глаза недобро округляются, тогда как густые брови едва не смыкаются на переносице:

— Это еще что такое?

Глава 8. Древняя магия — телефон, и пятилетний пророк Манюня

Эй, он же не грудь там разглядывает?!

Хотя она у меня вроде не настолько выдающаяся, чтобы светить ему из-под куртки, да еще и в полутьме, но все же. Если Морозко меня раскусил, то на этот раз предложит мне еще и язык отрубить за вранье. А там уж в комплект и до рук дойдет.

Надо как-то выпутываться, пока он не разглядел мои стратегически-важные части. Что бы такое придумать?

— Вроде водой управляешь, а какой-то туманчик разогнать не в силах, — подмечаю я, пытаюсь зацепить его. — Хоть бы попробовал. Глядишь, уже сегодня попрощались бы у порога твоего дома.

Однако Морозко похоже решительно настроен разглядеть что-то там у меня за пазухой:

— Над этим туманом я не властен, — задумчиво отзывается он.

— Это еще почему? Это же тоже жидкость, только газообразная, — почему-то решила почитать нравоучения своему потенциальному палачу.

Игнорируя мой вопрос, Морозко тянется к воротнику моей куртки и бесцеремонно запускает пальцы внутрь.

— Эй! — только и успеваю возмутиться я. Сопротивляться бесполезно, я промерзаю до нутра при попытках оттолкнуть наглеца.

Он выуживает руку, сжимая пальцами примятые листы с детскими рисунками, и наконец отпускает меня.

— Это еще что за свитки? — спрашивает с подозрением.

— Подарок, — отмахиваюсь я, чувствуя облегчение от того, что опасность оказаться разоблаченной миновала.

— Сейчас поглядим, что за подарок, и от кого! — разворачивает листы и вполне ожидаемо ничегошеньки не видит, потому что вокруг темнота, в которой карандашный рисунок разглядеть особо невозможно.

Хмыкает что-то недовольно, продолжая вертеть в руках «таинственный папирус», думаю примерно так он сейчас величает обычный лист А4 с детскими каракулями в своей голове.

— Отвечай, что это за документ! — ну вот, снова приказывает.

— Говорю же, подарок, — устало отзываюсь.

— Не за услуги ли случайно?

— Можно и так сказать, — киваю.

— Ага! Значит, тебе все же заплатили, чтобы ты проверил склеп?! — яростно выдает он свои умозаключения. — Ты должен был убедиться, что я погиб, но вместо этого, бестолковый гном, разбудил!

— Ой, да откуда ж ты такой недоверчивый, дядя? У меня

вроде в детдоме детство прошло, но даже я предпочитаю верить людям, — отчитываю его. — Рисунок там. Мне младшие нарисовали в благодарность за одежду.

— Не ври мне! — шипит, снова прихватывая мою горемычную куртку.

Глаза того и гляди начнут в ночной тьме молнии метать. Ух, какой злой!

— Подсветить? — скептически поджимая губы, спрашиваю я.

— Чего?

Вытаскиваю из кармана куртки телефон, и быстро включив фонарик, перевожу в лицо Морозки.

— Это еще что за магия? — отшатывается, будто такой как он вообще способен пугаться.

— О, это очень мощная и древняя магия. Называется телефон! — шепчу я, стараясь звучать как можно более угрожающе.

— Те-ле-фон, — протягивает он, боязливо приближаясь, словно я этот самый телефон неразумному неандертальцу показала, ей богу. — Свети сюда! — повелевает, очевидно обращаясь к мобильнику, и вытягивая перед собой смятые листы.

— М-м, — с важным видом качая головой. — Это ведь моя магия. И она подчиняется только мне.

Великан подбирает бывшее величие, которое его на секунду покинуло. Приосанивается:

— А ты — мне! — звучит, как очередной приказ. Но я уже начинаю привыкать к его заносчивости. — Значит ты и свети!

Ладно, уже хотя бы с этим пунктом разберемся, да может займемся обустройством ночлега. Что-то я подустала от своего бесплодного побега.

Свечу на рисунки, устало оглядываясь по сторонам. Было б еще что-то видно кроме этого тумана. Он рассеивает свет от фонарика, будто обволакивая нас с великаном в один светящийся пузырь.

— А ты-то похоже неграмотный? — бросает.

Понимаю, что в сложившихся обстоятельствах, самое верное будет согласиться. Ведь местной грамоты я точно не знаю:

— Мгм, — отзываюсь, продолжая вглядываться в туман.

— И как это понимать? — в его голосе снова слышится угроза, которая уже кажется совершенно обыденной, поэтому я не реагирую.

Однако в мою куртку, — я уже даже утомилась вздрагивать каждый раз, — снова вцепляются огромные ручищи. Закатываю глаза:

— Ну что еще, нестабильный дед мороз? — фыркаю ему в лицо.

У меня перед лицом возникает рисунок Манюньки, и теперь я будто совсем другими глазами на него гляжу...

Все тот же гном в красной шапке. И тот же крокодил с

крыльями, что держит за руку гнома. Только вот я сразу-то и не заметила, что во второй руке у гнома пестрая палочка, смутно напоминающая ручку, что Морозко величает артефактом.

Ладно про шапку мама Вера рассказала, но откуда Манюня про ручку узнала?

Она у нас сказочница такая. Сны ей красочные снятся, а она их потом еще дофантазирует, и всем рассказывает. Про принцесс и драконов, про магию и волшебных созданий.

Может я конечно накручиваю. Мало ли что под этой палочкой задумывалось неумной детской фантазией. Но палочка стоит посреди леса, которому при первом рассмотрении я не придала значения, а перед ними, очевидно, ползает змеюка. Шестиглазая...

У меня перед глазами проплывает моя бывшая реальность, в которой Манюня не раз мне залепляла какие-то на удивление взрослые для пятилетки вещи:

— Будешь ты жить! — однажды бодро оповестила она меня. — Только не здесь. В другом мире!

А тогда еще грустно усмехнулась, посчитав, что это на нее так подействовала сказка мамы Веры о жизни и смерти, которую она всем «своим» детям рассказывает, кто потерял родителей.

Манюнька у нас пророк что ли получается?!

Пытаюсь наспех припомнить хоть одну ее сказку, но мне не дает собраться с мыслями рука, что снова грубо встряхи-

вает меня за грудки:

— Кто тебе этот план нарисовал? Отвечай!

Вздыхаю:

— Да чего ж вы подозрительный такой? Говорю же: маленькая девочка, Манюня ее зовут! — отвечаю честно.

— Как ты тогда на болотах оказался? Да еще и с этой странной магией?! — кивает на телефон, что я все еще сжимаю в руке.

— Случайно забрел! — тоже отчасти правда.

— Ни один идиот не ходит мимо болот случайно! Даже такой, как ты!

— А вот с оскорблениями, я бы вас попросилааа...ааа вы же вроде сказали, что тут ни один идиот не ходит? Тогда кто эти ид... люди?

— Думаешь, я дважды поведусь на эту уловку?! — грохочет. — Говори правду, пока твой лживый язык не рассыпался!

Чувствую, как язык мой и правда начинает холодеть, будто льдом покрываясь. Вот черт.

Конечно он больше не поведется. И очень зря. Потому что в этот раз я не соврала...

Глава 9. И кому бы еще стоило рот не раскрывать

Чувствую себя сейчас тем мальчиком-пастухом из басни, который кричал «Волк!».

Эх, кажись волки пришли, только теперь мне уже никто не верит. А доказать ему я не могу, потому что язык совсем занемел от обледенения.

Только и могу хлопать глазами, глядя на троицу в белых накидках с глубокими капюшонами, что стоит в нескольких метрах от нас. А предательский туман, будто специально для них развеялся, выдавая нас с великаном незнакомцам.

— Асане не лжет, — уверенно звучит скрипучий женский голос из правого капюшона.

Глаза Морозко делаются круглыми, как блюдца, когда он осознает, что это не я выдала эту странную фразу.

— Черт бы их побрал, — ворчит себе под нос великан, ослабляя хватку. — Только этих тут не хватало.

Чувствую, что язык начинает понемногу отходить:

— Кого? — выдавливаю, уже заведомо начиная опасаться пришедших.

— Туманники, — выразительно приподнимая брови, шипит Морозко, будто это слово должно было мне все объяснить. — Ну, Брамосы же!

Его новая попытка мне ничего не дала, и очевидно он это понял, поэтому устало отмахивается:

— Просто, не вздумай врать хотя бы при них, иначе нам обоим крышка!

— Посему? — лепечу занемевшим языком, догадываясь, что этот верзила неспроста напрягся при появлении белых капюшонов.

Морозко подается ближе ко мне и быстро шепчет:

— Вся эта туманная завеса их рук дело, потому я и не в силах ее укротить. Это не самый обычный туман. Когда ты его вдыхаешь, он проникает в твое тело, позволяя Брамосам буквально видеть тебя насквозь. И больше всего они не любят ложь, — тут он делает многозначительную паузу, будто мне сейчас должно стать стыдно. — Соврешь, и туман в твоём теле превратится в едкий дым. А за компанию и в моём тоже. Так что будь другом, постарайся при них рот не открывать, — к моему удивлению все же объясняется и почти вежливо просит Морозко. — Иначе мне придется приморозить твой язык обратно.

Те удушат, этот приморозит... А я уж удивилась, что в этом обращении он обошелся без угроз. Поторопилась, видеть.

Выдавливаю язвительную улыбочку:

— Не находите, что мужчинам негоже трогать языки друг друга, пусть даже и магией?

Стрельнув в меня убийственным взглядом, Морозко на-

конец отпускает меня и поворачивается к нашим незванным гостям:

— Брамосы, какой сюрприз! — похоже, старается звучать приветливо, но выходит чертовски ненатурально. — Какими судьбами?

— Тебе прекрасно известно, сын Вифария, что мы на своей земле, — подает голос средний капюшон, что очевидно тоже оказывается женщиной. — Почивший король сам ее нам отдал.

Вижу, как у великана почему-то сжимаются кулаки:

— Известно, — соглашается он, однако звук будто сквозь зубы сочится. — Так почему же вы дали столь благородному королю умереть на вашей земле?

— Тебе ли не знать, что нам принадлежит лишь лес. Мы не ступаем на болота.

— Не ступаете, зато силы для всего этого представления вдоволь черпаете с болот! — он размахивает руками, разгоняя вокруг себя туман, что снова норовит его облепить. — Зачем вы тогда предупредили меня о предстоящей гибели короля на болотах? Знали ведь, что я помчусь его спасать! Хотели заточить меня в мраморном склепе на эти чертовы двадцать лет? Или сколько там времени прошло? Я со счета сбился!

Ого... Судя по его словам, он был каким-то приближенным короля. И с подачи этих Туманников отправился его спасать в склеп, да сам там и слег. Жуть какая. На двадцать

лет! Так вот чего он там валялся. Его заточили. Звучит ужасно. Как-то даже немного жалко стало этого злого великана.

— Наш лес — наша тюрьма, — холодно отзывается на эту исповедь второй капюшон. — Мы не вправе выходить за ее пределы. И вмешиваться в жизни людей. Так повелел сам почивший король.

— Поглядите, какие Туманники у нас послушные! — фыркает Морозко. — Короля уже с четверть века нет, а вы все подчиняетесь его приказу? Вместо того чтобы выйти на болота и освободить меня?!

— Мы бы все равно не смогли это сделать. Только Асане.

— Асане, — недобро усмехается Морозко. — Сомневаешься — используй слова на наречии известном одним Туманникам. Тогда и объяснять ничего не придется!

— Асане — это... — собирается было объяснить второй капюшон, но великан останавливает ее, поднимая ладонь.

— Довольно! Я все понял. Значит, то была месть мне. За волю короля. Чтобы я на собственной шкуре испытал, какво это оказаться запертым. Но даже не в лесу, где вы сполна черпаете энергию стихий. А в безжизненном склепе, заточенным в собственное тело?!

— Это ложь, — предупреждающе скрипит голос правого капюшона, чья фигура кажется ниже остальных.

— Он позволил вам занять лес, чтобы вы перестали докучать королевству! — неистовствует Морозко, и его голос словно от мраморных стен в гробнице, грохотом отбивается

о туманную завесу. — Потому же и ограничил вас!

Блин, у чувака определенно серьезные проблемы с самоконтролем. И это он еще мне велел рот не открывать. А сам-то вон как разошелся.

— Это ложь! — уже настойчивей скрипит голос.

Прячусь за спиной здоровяка, едва заметно дергая его за ледяную рубаху:

— Эй, Морозко, угомони свои таланты, — пишу я. — Сам ведь сказал, что они и придушить могут.

— Исходя из всего вышесказанного, я могу сделать вывод, что вы были в сговоре, с тем архимагом, — не останавливается он. — Смерть короля и мое заточение – ваших рук дело и...

Он осекается, словно воздухом подавившись...

Ох ты ж гробушки-коробушки, походу дело запахло жареным!

Глава 10. Переговорщица

Вперед выступает тот третий капюшон, что все это время ни слова не проронил, и выставляет перед собой руку:

— В тебе слишком много лжи, сын Вифария! Твои фантазии порождают злобу, что в свою очередь приведет тебя на путь мести. И ты станешь гибелью для нашего мира!

О, так и это тоже женщина? У них тут что, какой-то кружок по интересам? Ну, типа там всякие феминистки, амазонки, кто там еще бывает?

Морозко, блин. Ну, сам ведь предупреждал, что с этими тетками шутки плохи, так чего разорался тут?

Понимаю, ситуация какая-то не очень приятная сложилась. Злость разыгралась. Но так-то сам говорит, около двадцати лет прошло. Чего ж теперь так подставляться? Надо радоваться, что вообще после такой отключки – включиться получилось. За короля конечно обидно. Но работа-работой, а о себе тоже позаботиться стоило бы.

Вот уже за горло хватается, глядя на своих душителей исподлобья:

— Дракон так просто не сдастся! — хрипит он, выкидывая перед собой ладонь, из которой в сторону троицы летит буквально груда льда.

Эти, — как он их там их еще называл, — Брамосы, в мгновение ока растворяются в воздухе, будто смешиваясь с туманом.

ном, но едва лед пролетает мимо места, где они только что стояли, как они возникают вновь. Целые и невредимые.

Вот черт! Походу мы нехило так влипли. Ведь, чую, мой великан тоже не ожидал от них такого финта.

— А вы обновили свои навыки за то время, пока я не могу даже пальцем шевельнуть, — из последних сил хрипит он и вдруг грохается на колени, вынуждая меня вздрогнуть. — Прости, пацан...

В смысле «прости»?

Они его что ли и правда убили? Совсем? Как так-то?!

Гляжу на распластавшегося у моих ног великана и глазам поверить не могу. Мне-то признаться, уже не привыкать видеть его в таком положении, но это его «прости, пацан» прозвучало как прощание. Кажется, на этот раз просто что-то там из него вынуть будет недостаточно...

Что же делать? Он же мой первый друг в этом незнакомом мире. И да, пусть не самый дружелюбный: обещал меня съесть, руки отрубить, язык отморозить, и дальше по списку... Но по сути-то, пока что не выполнил ни одну из своих угроз? Из болота-таки вытянул, и даже одежду свою предложил. Значит вроде все же – друг? К тому же управу, в виде ручки... ой, извиняюсь, артефакта – я на него нашла. Хоть и забываю в нужный момент использовать.

Помнится, мы с друзьями в детдоме тоже дрались сначала, прежде чем стали этими самыми друзьями. Слабину не проявлять – закон. Но и своих, когда выходим на чужую

территорию — никогда не бросать!

А если представить, что, хотя бы доля из того, что тут говорил Морозко — правда, то страшно подумать, что ему пришлось пережить. Его подставили, заточили и бросили. Тогда понятно, откуда в нем столько недоверия.

Перевожу ошалевший взгляд на этих бессердечных теток. Это ж надо, всего-то за слова — человека убить! А как же дипломатичные переговоры, о которых нам мама Вера все уши прожужжала? Всегда повторяла, что взрослые только так решают конфликты.

— Переговоры! — выкрикиваю я, бесстрашно выступая вперед, и становясь между, надеюсь еще живым Морозко и выставленной рукой злой тетки.

Та сразу опускает руку, и отстраняется, будто моя неприемная персона могла напугать их своим скромным выпадом.

— Требую переговоров! — повторяю я.

— Нам не о чем пока говорить, девочка, — вновь подает голос второй капюшон. — Позволь нам избавить тебя от препятствия на твоём пути, и мы уйдем.

Значит, они-таки разглядели во мне девушку? Должно быть, дело в их силе, о которой рассказывал великан. Вроде насквозь видят. Тогда им точно не составило труда понять, что я вовсе не парень. Хм...

Точно феминистки! Только куда более извращенная версия, нежели в нашем мире. Мужика убить — и глазом не морг-

нут. А меня не тронут, — несмотря на то, что мы с Морозко вроде как на одной линии выступали, — просто потому что я девушка?

— Нет у меня никаких препятствий! — бросаю я, смутно догадываясь, что таковым они посчитали Морозко.

— Ты говоришь правду, — скрипит первый капюшон, о присутствии которого я уже успела позабыть, так как все, что говорит эта женщина, это «правда-ложь». — Значит, действительно веришь, что путь твой чист.

Точно, они ж еще и вроде как вранье чувят. Значит нужно говорить лишь то, во что действительно верю.

— Сын Вифария ведь едва не убил тебя, — напоминает второй капюшон.

Мне становится как-то неловко за своего приятеля. Он ведь и правда, при их появлении проявил себя не лучшим образом.

— Не собирался он меня убивать, — главное верить, что это действительно так.

Технически он и правда меня убить не пытался. Съесть — да, подумывал. В трясине бросить — да. Оставить без жизненно важных конечностей — тоже было. Но не убивать же. Так-то он наоборот говорил, что я ему живой нужна.

Второй капюшон поворачивается к первому, дожидаясь пока он едва заметно кивнет. Угу, прокатило, походу.

— Асане заступает за сына Вифария? — говорит самая болтливая из этой троицы.

— Признаться, я ХЗ, кто такая Асане, но я — Власова Василиса Игоревна совершенно определенно заступаюсь за своего друга!

— Друга? — переспрашивает вторая тетка, словно пробуя это слово на вкус. — Боюсь, ты ошибаешься, Асане.

— Может и так, но я бы хотела, чтобы вы оставили его в живых! Дабы я лично убедилась в своей ошибке, — требую, набравшись смелости из своей теории, что «своих» они трогать не станут.

— Уверена?

Вот же блин! Ну чего они меня все с панталыку сбивают-то!

Глава 11. Съест или не съест, вот в чем вопрос

Понимаю, что возможно они хотят предостеречь меня от моего недружелюбного великана. Но не бросать ведь его теперь умирать, тогда как он спустя столько лет только-только вернулся к жизни. С моей помощью, между прочим.

Да, он конечно на первый взгляд похож на бандита, красивого такого бандита. Но судя по их разговору – человек он вовсе неплохой: все-таки ж бросился спасать этого своего короля.

Я всегда говорю, нельзя судить о человеке по внешности. Меня вот однажды чуть из собственного подъезда не выперли, приняв за попрошайку.

В общем, мы в ответе за тех, кого... разбудили. К тому же, каким бы ни был угрожающим в глазах капюшонов мой друг, долго я с ним все равно оставаться не намерена. Сбегу, как только приведу его в живое состояние...

— Уверена! — наконец отвечаю я.

— Это правда, — скрипит «детектор лжи».

— Что ж, это твое решение, Асане. Только ты способна вдохнуть в него жизнь обратно, — второй капюшон медлит, будто решаясь, стоит ли продолжать со мной говорить: — Будь осторожна. Наш мир довольно суров к пришлым. Осо-

бенно если это хрупкая девочка с чистой душой. Не дай злым людям узнать о себе правду, не показывай никому своих слабостей.

Она щелкает пальцами, и прямо передо мной вдруг вспыхивает огонь. Отшатываюсь, стараясь взглянуть в темноту за языками пламени, чтобы задать еще пару вопросиков, относительно последнего высказывания. Но там теперь только туман.

Вот как? Разгадали значит меня с потрохами. Однако не сдали какой-нибудь инквизиции. А костерчик походу развели, чтобы я согрелась. Ну или же впечатлить меня хотели.

Не пойму. Они добро или зло? И какую правду мне в итоге надо скрывать? Что я попаданка? Или что девушка? Еще что-то про чистую душу и слабости. Хм... поди разбери. И исчезли.

Так, чего же я стою?!

Падаю на колени перед Морозко, что выглядит весьма безжизненно и принимаюсь его теребить за плечи:

— Эй, Морозушка, подъем! — зову я, но реакции никакой. — Опасность миновала, можно уже не прикидываться опоссумом!

Блин. Ну чего он лежит весь такой холодный?

Даже как-то страшно становится. А что если я слишком поздно вмешалась? Вдруг все это время, тетки знали, что он давно... того, а мне просто зубы заговаривали? Старые карги!

— Морозко, миленький, ну просыпайся ты... — уже хнычу от отчаяния.

Так, ну-ка отставить панику! Как там обычно в моих любимых сериалах? Массаж сердца?

Складываю руки на ледяной рубаше, и только сейчас замечаю, что она словно начала подтаивать. Кажись, дело плохо. Если этот рефрижератор больше не морозит, значит и правда сильно сломан.

Нужно поторопиться! И раз...

Надеюсь в этом мире устройство человеческого организма не сильно отличается от нашего, и я элементарно туда давлЮ. Иначе будет как-то печально. Вдруг у него в груди некая-нибудь печёнка, а я тут расстаралась, что под конец второго десятка нажатий отогреться успела и без помощи продолжающего полыхать рядом костра.

Так! Тридцать надавливаний есть!

Наспех стягиваю шапку, обтирая ею лицо от выступившего пота, и наклоняюсь к все так же неподвижному Морозке.

— Ох, ты мне этого точно так просто не спустишь, если узнаешь, — бормочу, нерешительно подсовывая руку ему под шею.

Тяну за бородатый подбородок, чтобы открыть рот.

— Всего два вдоха, — будто его заранее утешаю. — Правда, очень надо. Чтобы эту дрянь удушающую из тебя выгнать.

Закрываю ему нос, и боязливо прикасаюсь к губам. Ну не дай бог ему прямо сейчас очухаться! Убьет же, как пить дать!

Вдыхаю в его легкие воздух до последней капли. И вдруг ощущаю едва уловимое шевеление губ на своих.

Резко отстраняюсь, боясь оказаться пойманной с поличным. Прикрываю ладонью рот, типа, если что это не мои губы только что его касались...

Лежит. Неподвижно так. А глаза раскрыты. Будто в небо глядит, любясь звездами, да только ничего кроме зарева, развеянного туманом, там и в помине не видать.

— Эй, Морозушко, ты чего? — шепчу нерешительно. — Никак обдумываешь, как бы меня убить пооригинальнее?

А он не шелохнется. Прямо как в склепе парой часов раньше.

Хлопаю по карманам, проверяя не выронила ли я на него ненароком ручку. Нет. При мне защитница моя.

Ну точно что-то удумал!

— Ты вот это завязывай, — прошу тихо, на всякий случай сжимая в руке свое средство самозащиты. — Я же из лучших побуждений...

Подаюсь вперед, понимая, что реакции на мои оправдания никакой не следует.

Он ведь не умер? Опять.

Заглядываю в его глаза и... Ой, мамочки-Верочки!

На меня глядят синие омуты, какие-то заоблачно-космические, с мелкими, будто электрическими вкраплениями, словно именно в этих глазах сейчас спрятались все звезды. А я как замороженная наблюдаю, пытаюсь отыскать должный

быть где-то тут зрачок. Но его и в помине нет.

Вот это спецэффекты!

Удивительно-пугающе-прекрасно...

Мне бы так. А-то я пока только своей лысой башкой честной народ впечатляю.

Замечаю, что мои пальцы, не посоветовавшись с мозгом, уже тянутся к фантастическому лицу. А ну стоять!

Благо, пока еще слушаются.

Ну и что я собиралась сделать? В глаз его потыкать, дабы убедиться в реальности этого сказочного персонажа?

— Морозкооо, — в который раз пытаюсь привести его в чувства. — Эй, ты меня так не пугай. А то я...

Осекаюсь, замечая, как едва заметно шевельнулись его ноздри. Замираю.

Мой великан немного приоткрывает рот, и ведет перед моим лицом носом, закатывая глаза. Чего это с ним?

— Асссане, — шипит словно змей, вынуждая меня покрываться мурашками с головы до пят.

— Таки пришел в себя? — шепчу, отчего-то сомневаясь, стоит ли сейчас вообще голос подавать. Странный он какой-то. — Ч-чего разлегся тогда?

От греха подальше отстраняюсь, стараясь не совершать резких движений, когда вдруг чувствую, как на мой затылок ложится тяжелая ладонь. Вот черт...

Великану хватает одного легкого толчка, чтобы я едва не распласталась на его груди, от неожиданности роняя куда-то

в гнилую листву свой спасительный артефакт. Меня прихватывает за горло вторая его ручища, фиксируя пальцами мое лицо, что я и голову-то повернуть не могу, чтобы посмотреть, куда она укатилась.

— Ассссане, — словно безумный шипит он.

Ну все, мне крышка! Сейчас того и гляди придушит!

— Ну дальше-то что? — фыркаю я. — Теперь дразниться этим странным словом будешь?! Раз уж собрался убивать, так убивай, неблагодарный ты Морозко. Вообще не понимаю, почему я теперь буду за тех теток отдуваться! Им навалить не смог, решил на мне отыграться? Или это все из-за искусственного дыхания? Так я же вроде для тебя...

Великан подается вперед, а я зажмуриваюсь, в ожидании, что сейчас он меня точно сожрет!

Его на удивление горячие губы касаются моих губ.

Ну вот... уже начал есть...

Эх, коротка оказалась моя новая жизнь. Толком и осмотреться не успела, как меня уже вот поедают. Причем, нужно признаться, весьма активно так. Чувствую, как он уже добрался до языка, а все тело ломит от нестерпимой агонии...

Абсолютно нестерпимой. А для сложившихся обстоятельств, еще и неподобающе... приятной.

Погодите-ка... Так он меня не ест что ли?!

Глава 12. А можно всех женихов для начала посмотреть?

Так скажем, опыта у меня в поцелуях немного. Вернее, его и вовсе нет, если сравнивать все предыдущие попытки французского поцелуя с тем, что сейчас с моим ртом выделяет Морозко. Будто голодный зверь, впивается в меня своими губами, оцарапывая кожу грубой бородой. И я заметить не успеваю, как уже лежу на лопатках, едва не закапываясь в сырые листья под весом этого верзилы. Вот блин. Да он меня попросту раздавит...

Упираю руки в его грудь, но тут же одергиваю, словно обжегшись о ледяную ткань. Черт бы его побрал, с этим студенным доспехом.

Понимаю, что Морозко попросту не в себе. Иначе не стал бы он такого вытворять. Все же он меня за парня принимает, и, судя по тому, как он брезглив даже к прикосновениям, сомневаюсь, что у него есть латентные наклонности. А значит с ним точно что-то неладное. Может это побочка от того что туманом надыхался? Мало ли?

Надо что-то предпринять.

Но чем дольше я остаюсь прижата к сырой земле этим великаном, тем меньше замечаю, как сквозь ветровку сочится влага от подгнивших листьев, и тяжесть его тела тоже уже

начинает казаться приемлемой. А еще я вдруг неожиданно для себя обнаружила, что моим пальцам вовсе не холодно в волосах Морозки.

Девственное либидо скачет где-то внизу живота с помпонами, выкрикивая лозунги о том, что первое мое «волшебство» грозит оказаться поистине волшебным.

Действительно.

С каким-то малознакомым неуравновешенным, к тому же вышедшим из строя магическим мужиком. Посреди сырого леса. Накрытые пеленой тумана-рентгена, благодаря которому за нами еще и может наблюдать целое племя этих амазонок-феминисток. Вишенкой на торте всего этого бесформенного безобразия является яркое представление того, как где-то в середине процесса меня ненароком закуют в лед.

Прости, либидо. Но уж увольте!

Предпринимаю еще одну попытку оттолкнуть Морозко, но осознавая, что из-за моих жалких пыхтений он лишь сжимает меня еще сильнее, решаюсь прибегнуть к катастрофически! крайней мере. Ну, с богом...

Прикусываю его губу, и воспользовавшись тем, что он в растерянности отстраняется, бью с колена в стратегическое важное для каждого мужчины место.

— Шшшшссаралма, — шипит Морозко что-то неразборчивое, однако звучащее как русский-матерный на парсултанке.

Ох, понимаю Морозушка. Но что поделаешь?

Надеюсь он себе наследников успел еще до отключки на-
делать...

Вперивает в меня свой разъяренный космический взгляд и я понимаю, что привести его в чувства походу не удалось. А значит, что-то мне подсказывает, что и поговорить конструктивно, у нас сейчас не очень-то выйдет. Блин, он и до этого глюка был не слишком приветливым, а сейчас так вообще...

Морозко шумно дышит, глядя на меня исподлобья. Словно дикий зверь, готовый броситься на свою добычу. А я пытаюсь отползти от него. Хотя и понимаю, что нужно предпринять что-то посерьезней, пока он снова на меня не накинулся. Не важно с какой целью.

Он делает выпад, как раз, когда я наползаю рукой на что-то твердое...

Да моя ж ты золотая! Аррртефакт!

Меня успевает накрыть мужским телом, которое теперь расположилось очень даже кстати. Еще до того, как начинаю прислушиваться к соблазнительному голосу либидо, делаю уверенный замах и со всех сил втыкаю ручку великану куда-то между ребер.

Его интерес ко мне ожидаемо гаснет. Как собственно и сам Морозко. Обмякает на мне, едва не удушая.

— Ты посмотри-ка, самец в нем проснулся, — кряхчу, выбираясь из-под его тяжелой туши. — Эх, а прыти-то сколько было. Даже как-то обидно, что его такая безделица может

заставить передумать.

Нужно признать, самец-то весьма хорош...

Так, ну-ка цыц там!

Неизвестно, что у них тут за устои в этом мире. Сейчас в себя придет, в домогательствах обвинит, и прибьет. Это еще при лучшем раскладе. А может и вовсе залепит что-то типа: «обесчестила – женись». Мне такого счастья, — в виде неуравновешенного Морозки, — и даром не надобно.

Я девушка современная. Мне еще погулять, мир посмотреть, себя показать. Тем более мир совсем для меня новенький, неизведанный. Мало ли какие тут еще женихи имеются. Что ж я первого попавшегося хватать буду? Нет уж.

Полюбоваться – это да... Экземплярчик-то хорош. Даже в таком, распластанном виде. Широченная грудь, шея наверно с мою талию, черты лица будто любовно вылеплены скульптором...

Ух, как хорош!

Надеюсь у них тут все такие. Вот я тогда косы отращу, и пойду себе достойнейшего красавчика искать. Мне бы такого чтобы темперамент поскромнее, чем у моего заносчивого Морозки. Да всех этих сверхъестественных прибабасов поменьше. А-то не знаешь в какой момент откуда лед выстрелит, а где глаз оригинальный откроется. Да и не в себе он. Явно.

Поднимаюсь с земли, отряхивая одежду. Все безнадежно отсырело.

Так, и что же мне прикажете делать? Не могу ж я его тут отключенным бросить. Мало ли опять на него люди какие выдут. А если с недобрыми помыслами?

Не, так дело не пойдет.

Ручку вытащить и скорее бежать, пока не очухается? Да куда ж я такая мокрая, еще и в этом тумане убегу. Тут тепло, светло и, так сказать, мухи не кусают. Если ж кто все же пожалует кусаться, так я быстренько Морозушку активирую, путем изъятия ручки, пусть еще пробует себя в переговорах.

Решено. Остаюсь. Покуда одежду не просушу у огня. А там глядишь и утро не за горами.

Стягиваю с себя сырую одежду, и заворачиваюсь в камзол «с барского плеча». Раскидываю свои и Морозкины шмотки у огня, и сама рядом присаживаюсь, недалеко от своего великана. На случай, если понадобится срочно ручку вытащить.

Спать правда хочется. Но не до сна сейчас. Надо сторожить.

Глава 13. Известное и неизвестное зло

Как-то подозрительно тихо. Аж стремно из-за этого.

Я вроде успела привыкнуть к одиночеству в своей новенькой квартирке, щедро выделенной государством. Но там я частенько включала радио. Или же звук моей старенькой швейной машинки разбавлял тишину. Сейчас же, мне будто чего-то не хватает...

Эх, и как же там моя квартирка поживает без меня? И машиночка моя – кормилица.

Интересно, там время идет так же, как тут? Или замерло? Ой, или вообще летит, если я, например, за сотни световых лет перенеслась!

Это ж если у меня будет шанс вернуться, то там я очнусь дряхлой старухой? Или все, кого я знала состарятся, или не дай бог уже умрут. А я все та же Васька вернусь? Тогда ж и квартиру мою уже кому-то отдадут стопудово. Блин. Где я тогда жить-то буду? Тогда лучше бы не возвращаться вовсе. Тут у меня хотя бы есть шанс, что болезнь отступила, а там... что толку от той квартиры будет?

Неожиданная мысль вынуждает меня подскочить на месте! Черт побери, чайник! Я же прямо перед выходом чайник ставила на плиту, пока последний пиджак дошивала! Еще

не хватало дом спалить! Тогда уж лучше пусть там время и правда стоит!

Вскакиваю на ноги, и начинаю нервно вышагивать у костра. Так-так-так... Может есть способ вернуться? Хотя, погоди-ка. Я за пакетами же для пошитой формы на кухню ходила. Фух, точно. Тогда и выключила чайник.

От облегчения перестаю наматывать круги вокруг костра, и останавливаюсь перед притихшим Морозко. Сон как рукой сняло. Вглядываюсь в притихшего великана.

Так вот чего мне не хватало! Блин, и как я сразу не догадалась. Мычания его!

Странно. В этот раз совсем тихонько лежит. Будто и вовсе не живой. Может так и не удалось его в порядок привести? Вдруг не до конца я эту дрянь из него выгнала?

Надо бы проверить. Жалко будет, если он вот так от рук моей неумелой самообороны помрет.

Присаживаюсь перед своим взбалмошным великаном, и боязливо вытаскиваю из его бочины ручку.

Обычно он довольно быстро в себя приходит после нее. А тут... лежит.

— Эй, Морозко, ты как? — бормочу, наклоняясь ближе, желая уловить хоть намек, что он дышит. — Живой?

Однако, помятуя его предыдущее пробуждение, все же стараюсь сохранять приличную дистанцию.

Не успеваю подумать, как мне в этот раз его откачивать, когда Морозка вдруг... громко всхрапывает прямо мне в ли-

цо.

От неожиданности оседаю на пятую точку, и облегчённо выдыхаю. Вот же, зараза. Да он попросту спит!

Я может тоже хочу! А в итоге карауль его тут, пока он дрыхнет.

Ладно, всю ночь мне все равно не продержаться. Потом еще сбежать бы надо, а на это сил потребуется. Ручку вынула, на случай, если к нам кто-то пожалует. Пусть Морозко отдувается. От меня все равно толку не очень много в таком случае. Буду надеяться, что он проснется в себе. Известное зло, всяко лучше, чем неизвестное. А недосып вообще мой главный враг.

На всякий случай закутываюсь поплотнее в камзол Морозки, что на мне выглядит как батино пальто. Вытаскиваю из своих джинс ремень, и затягиваю его на талии, чтобы ненароком не размотаться во сне. Укладываюсь на сырую землю, поближе к костру – подальше от Морозки. Но не слишком далеко, на случай, если кто-то придет нас убивать. Пусть и на этот раз начинают с того, что покрупнее.

Камзол и правда добротный. Пуговицы, походу-то действительно золотые. А ткань такая плотная, что у меня даже задница отсыреть не успела, пока я на сырой земле сидела. И пахнет приятно, несмотря на то, что Морозко в склепе пару десятков лет провалялся.

Расправляю богатый воротник, буквально целиком заворачивая в него голову. Гляжу в оставшуюся щелку на своего

соседа. Плямкает своими огромными губищами, будто дите малое. Должно быть сосиски ему снятся. Или... прикрываю широким рукавом рот... или не сосиски. Прикусываю нижнюю губу, вспоминая наш поцелуй, и чувствую, как мне становится неожиданно жарко от костра. Или не от костра. Это ж еще чуть-чуть, и он бы меня... Эх!

Так, стоп, Василиса! Угони свое либидо и пожалей гордость, в конце концов.

Разглядываю великана, пытаюсь перевести свои мысли в более безопасное русло. Нос, – вполне безопасная территория вроде, — аристократический. Может он какой-нибудь граф? Ну или хотя бы барон? В общем министр? Депутат, в конце концов? Я ж не знаю, как у них тут иерархия устроена. Но сразу видно, что мой дружище серьезный мужик. Вон, при короле служил. Оттуда и шмотки такие дорогие. Да никому и в голову бы не пришло, что он какой-то бродяга. Пфф... Это ж очевидно! Всем. Кроме меня. Идиотка.

Может стоит к нему как-то поуважительнее обращаться? Типа, Ваша Светлость? Или же Ваша Холодность.

Сама же смеюсь от своей дурацкой шутки, аж прихрюкиваю ненароком.

— Ой, — снова прикрываю рот ладонью, боясь разбудить Его Холодность.

Хотя, чего уж бояться. У меня ж есть выключатель, для этого напыщенного графа, или кто он там. Вытаскиваю из-под головы вторую руку, в которой крепко сжимаю свой спа-

сительный артефакт.

Блин, классная, конечно штука. Но вот была бы она дистанционной. Чтобы я его могла на расстоянии включать и выключать его. Иначе ж сбежать не даст... Точно!

Пока вспомнила, быстро достаю из кармана телефон и завожу будильник. Надеюсь сработает. А то мало ли какое тут времяисчисление. Главное, чтобы мой земной будильник с ума не сошел.

Погодите-ка... Земной...

Наспех прячу телефон в карман, и подношу к глазам свою спасительную ручку.

Да она же однозначно наша! Нет, конечно возможно, что их технологии не слишком отличаются от наших. Но телефону-то Морозко вон как удивился. Да и...

Щурюсь, вглядываясь в свой до боли привычный артефакт, и глаза на лоб ползут от удивления. Эта ручка точно из моего мира. Если только в мире Морозко, по странному стечению обстоятельств тоже не имеется в наличии Куйбышевского шарикоподшипникового завода.

Именно такая полустертая надпись красуется на моем артефакте.

Глава 14. Предложение, от которого невозможно отказаться

Все это очень странно.

Ручка точно не моя. Я бы запомнила. Потому что вид у нее, для моего времени, весьма, так скажем, винтажный. Да и не производят у нас уже вроде таких.

Исходя из всего вышеподуманного, возникает резонный вопрос: откуда эта ручка взялась в этом мире? Да не только в этом мире, а в теле моего нового знакомого? Это ж получается ее туда кто-то вставил? А если вставил, значит с собой принес?

Прикрываю глаза, пытаюсь собрать мысли в кучу, чтобы прийти к логическому выводу из всей этой необъяснимой белиберды.

Походу я тут далеко не первая такая. И судя по всему, мой предшественник Морозушку-то и отключил лет эдак двадцать назад.

Балиин! Я же не включила то, что должно было быть выключенным?!

Чувство, будто я атомный реактор без спросу запустила. В ужасе распахиваю глаза и едва на месте не подскакиваю, наткаясь на изучающий меня взгляд.

— Морозко! Ой, то есть Ваше чего-то там, проснулся? —

сбивчиво спрашиваю я, стараясь не выдавать пробудившегося во мне страха. Слабости показывать ни в коем случае нельзя.

Да и над моей теорией еще стоит крепко подумать. Не могу же я его отключить, только потому, что мой земляк когда-то решил так сделать. Сначала в причинах разберусь. Ручку в него обратно вставить, если что, никогда не поздно. Надеюсь.

Морозко как-то устало подпирает голову ладонью, и скользит неторопливым взглядом по моим щиколоткам, что едва выглядывают из-под длиннющего для моего роста камзола.

— Мне такой сон снился... — вздыхает он. — А тут опять ты.

Подтягиваю ноги под плотную ткань, пряча их от изучающего взгляда.

— Небось великосветские дамы, — фыркаю я, мысленно припоминая, чего он вытворял в забвенье.

— Ты же вроде воришка, неужели твоего промысла не хватает даже на еду? — он кивает на спрятанные от его глаз ноги. — Что это? Заготовки худющие, прям как у девчонки. Ты ж мужик! За себя постоять уметь должен. А на таких спичках должно быть и просто устоять не особо-то получается.

— Лучше бы ты и дальше спал, Морозушко, — выдавливаю ехидную улыбочку.

— Так и быть, будешь себя хорошо вести, возьму тебя своим слугой, как только во дворец вернемся. Раз уж ты меня неоднократно спас, значит придется и мне о тебе позаботиться, — голос его звучит как-то лениво, будто он и вовсе до конца не проснулся.

Видать потому и бредит разной ерундой.

Слугой? При этом тиране? Нет уж, увольте! Я тут и так будто рабыня при нем. Полдня этого неадекватна терплю. У меня вроде в планах косы отращивать, да женихов перебирать. А не вот это вот все...

— Спасибо, Морозушка, — озвучиваю, стараясь казаться тронутой его «великодушием» до глубины души, — это так благородно с твоей стороны. По гроб жизни не забуду.

А это истинная правда! Нашел как за спасение жизни отблагодарить – слугой, говорит! Слыхали? Да лучше б своих золотых пуговиц мне на дорожку наковырял, ирод!

Прикрываю глаза, делаю вид, что я вроде как сплю. Признаться, думала, что стоит улечься поудобней, как я тут же в сон проваляюсь. Но непривычная обстановка, и так сказать, переоклиматизация, делают свое дело.

— Так ты выходит для детишек воровал? — не отстает Морозко, который походу успел выспаться, в отличие от меня.

— М? — пищу я, вновь открывая глаза.

— Говорю, наголо тебя побрили, за то, что для детей одежду воровал?

Немного подвисяю, оценивая своего соседа. Сейчас он вообще не кажется взбешённым или озлобленным. Так спокойно спрашивает, будто мы с ним приятели, и он пытается разговор поддержать. Даже как-то немного сочувственно что ли.

— М-можно и так сказать, — выдавливаю я, посчитав, что лучше соглашаться с его теориями. Они всяко будут правдоподобнее того, что могу выдумать я, не зная местных укладов.

— Ладно, — со вздохом говорит он, переворачиваясь на спину. — Не хочешь не рассказывай. У тебя еще будет достаточно времени покаяться. Вот завтра вернемся во дворец, и начнешь. А пока спи.

Да чет уже как-то и не хочется спать. Боязно. Из-за его резкой смены настроения. Неужто и правда понял, что я ему уже несколько раз жизнь спасла, и стоило бы быть хоть немного повежливей. Странное чувство.

— Эй, а не знаешь, почему у меня дыра в боку? — спрашивает равнодушно, будто мы дырявый носок обсуждаем.

Блин. Заметил все же.

Призадумываюсь, как бы мне от прямого ответа увильнуть:

— Скажем... пришлось тебя перезагрузить. А то ты подвис как старая винда.

— Опять ты со своими словечками непонятными, — ворчит. — Скажи по-человечески, это Брамасы постарались?

Ну вот, вроде прокатило. И он уже сам мне идею подки-

нул.

— Ну можно и так сказать, — мямлю я. — Наверно, на какую-то ветку напоролся, когда падал от удушья.

Пожимаю плечами, будто ответ очевиден. Не могу же ему сейчас правду сказать. А то точно прибьет.

— А как тебе удалось от них избавиться? — не отстает он.

— Правдой, — отзываюсь не задумываясь.

— Вот как, — вздыхает. — А я значит, по их мнению, лжец.

Гляжу на него, пока он молча пялится в туман. Взгляд задумчивый такой. И будто бы болезненный. Потирает свою бороду, словно раздумывая о чем-то серьезном, и...

— Дьявол! — рывкает. — А с губой-то что?

Упс. Втягиваю голову в плечи.

— Ук-кусил-ся, — бормочу.

— Чего? — опять хмурится на меня.

— Говорю, прикусил, наверное, когда падал, — пожимаю я плечами и спешу отвернуться на другой бок, пока ему снова не приспичило пообщаться «за жизнь».

Глава 15. Голод не тетка

И лежу я значит на белоснежном песчаном пляже. Солнце палит в глаза, едва не ослепляя, а вдалеке слышится шум прибоя. Мечта!

В руке у меня такое красивое пестрое мороженько, будто сошедшее с иллюстраций к детским книжкам.

Боже, как есть-то хочется! А оно еще как назло, тааак апетитно выглядит.

Не задумываясь вгрызаюсь зубами в розовый шарик, который на пробу оказывается каким-то подозрительно упругим, несмотря на то, что выглядел вполне подтаявшим на солнце. Да еще и слишком большим, чтобы влезть мне в рот целиком, может хоть рассосать его получилось бы.

Прикладываю еще немного усилий. Зубы кажется, того и гляди, раскрошатся от нагрузки и холода. Но чертово мороженко совершенно не желает поддаваться. Мало того! еще и будто норовит ускользнуть у меня изо рта. Вот зараза, я ж так из-за тебя совсем голодной останусь! Дай хоть лизну...

Открываю глаза, намереваясь разобраться с непослушным яством. И непонимающе пялюсь перед собой, лежа на животе в сырой листве.

Так, чет я не поняла... А где мой пляж?!

Перед глазами опять лес. Туман уже начал рассеиваться. Вокруг серо, очевидно потому что солнце еще не выглянуло

из-за горизонта, но очевидно вот-вот намеревается. Приснилось походу.

Однако мороженое все еще холодит губы... Эээ...

Опускаю взгляд и понимаю, наасколько я обозналась.

Передо мной огромная нога Морозки, вернее его мощное бедро. От шока даже не сразу додумываюсь разжать челюсти. Однако когда догадываюсь, что это уже, пожалуй, перебор, то отваливаюсь, и отползаю в направлении все еще полыхающего за спиной пламени.

Мамочки-Верочки!

Бросаю боязливый взгляд на Морозку, и с облегчением понимаю, что соколик мой спит сном богатырским, еще и привычно мычит что-то неразборчивое, вяло отмахиваясь рукой, будто не я норовила ему отгрызть филейную часть ляжки, а назойливый комар к нему присосался. Это ж надо? Тут уж кто для кого теперь опасней? Потому что голодная я готова на страшные вещи...

Осматриваю свою добычу, и понимаю, что кажется теперь-то точно пришло время бежать поскорее. В наколдованной великаном морозной ткани будто пропалина от моего рта... И ладно бы, если бы это было все! Так нет же! Даже в скудном свете сереющего неба я могу углядеть точный слепок моих зубов, в центре которого торжественно зияет... засос!!! Батюшки...

Пытаюсь не застонать от отчаяния, шлепаю себя в лоб ладонью. Уму не постижимо! Я пометила волшебного при-

дворного!

Так это еще хорошо, что за бедро! Всего маленько не дотянулась до... этих... Фаберже его. Не-то того и гляди, скорлупку бы пожеванной оставила. Такого он бы точно не проспал, и с рук мне бы не спустил. Точно жениться бы заставил!

А с другой стороны, чего он вот это приполз ко мне так близко? Так и запишем: самооборона!

Неловко озираюсь по сторонам, и понимаю, что и тут я вся в косяках. Ой, блиин. Это не он ко мне приполз...

Судя по расположению наших тел относительно кострища, это Я к нему подползла. Вот же черт! Я конечно в курсе, что кручусь во сне, не раз случалось и с кровати падать, но чтобы настолько!

Видать я действительно слишком голодна, и на полном серьезе намеревалась его сожрать.

Что ж, вот и пришла пора расставаться, Морозушко. Так скажем, побережем твои бубенчики, а то мало ли чего мне в голову сбредет, пока мы из леса выбираться будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.